

Специальное мероприятие. Партнер: Centrum Studiów Geopolitycznych
Pijalnia - Sala Plenarna. 9 сентября, 13:10

Тема: Гибридная война. Облики и пространства вооруженных конфликтов в XXI веке /
Hybrid war – Facets and Dimensions of Armed Conflicts in the 21st Century

Определение термина «гибридная война» можно отнести даже к «Троянской войне», Современные разновидности данного типа войны применяются в Донбассе. Каталоги использованных элементов стратегии и тактики из арсеналов конвенциональной, партизанской, кибернетической, информационной войн, а также из других арсеналов – обширные. В будущем международные правовые нормы должны содержать четкие определения, которые не позволят агрессору в такой войне избежать ответственности.

- Война в реальных пространствах: традиционная, экономическая, гражданская, партизанская терроризм.
Модератор: **Станислав Козей** (преподаватель - Академия национальной обороны - Польша)
- Война в области познания, эмоций и мотивации, взаимодействия и общения между людьми
Модератор: **Мариюс Велицка** (заместитель министра - Министерство национальной обороны - Литва)
- Механизмы формирования послевоенного международного порядка. Закон и справедливость и ответственность агрессора
Модератор: **Грета Моника Тучкуте** (директор - Центр Геополитических исследований - Литва)

Спикеры:

- **Николя Байс** (вице-председатель, Комиссия Национальной безопасности и вооруженных сил - Национальное собрание – Франция)
- **Сергио Германи** (директор - Istituto Gino Germani - Италия)
- **Ройбен Джонсон** (корреспондент - The Weekly Standard - США)
- **Андрей Ермолаев** (директор – Институт стратегических исследований - Украина)
- **Дариуш Козеравски** (ректор - Академия национальной обороны - Польша)
- **Яцек Котас** (заместитель председателя - Институт восточноевропейских исследований - Польша)
- **Павел Лисицкий** (главный редактор - Ежедневник Do Rzeczy - Польша)
- **Евген Магда** (исполнительный директор - Центр социальных отношений - Украина)
- **Михал Млинар** (председатель руководящего совета ISSAT - Женевский Центр демократического контроля над Вооружёнными силами - Словакия)
- **Александр Неклесса** (директор - Лаборатория Север-Юг, ИАФР РАН - Россия)
- **Филип Петерсен** (вице-президент по науке - Фонд «Потомак» - США)
- **Микола Сунгуровский** (директор военных программ - Центр экономических и политических исследований им. Разумкова - Украина)

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. 10 ТЕЗИСОВ О ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

Об авторе: Александр Иванович Неклесса – руководитель группы ИНТЕЛПРОС («Интеллектуальная Россия»), председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заведующий Лабораторией «Север – Юг» ИАФРРАН.

1. Мир обретает новый статус. Сложный мир реализует новые социоконструкты.

Понятие «гибридная война» в последнее время широко распространилось, даже стало модным, но само явление не столь уж новое. В основе феномена – глобальная трансформация институтов общества «индустриального» при транзите к «постиндустриальному», определяющее качество которого комплексный, сложный, «гибридный» мир.

Наш опыт – социокультурный, экономический, военно-политический связан с прошлыми эпохами. Сложный мир предполагает смену типа рефлексии и обновление прописей познания-действия.

2. Прелюдия сюжета – реализация в XX веке трех исторических проектов: универсальный nation-building, глобальный свободный рынок, делигитимация войн в системе МО.

В XX веке североатлантическая цивилизация попыталась реализовать три исторических проекта, менявших сложившиеся формулы *мироустройства* (универсализация системы национальных государств), *экономики* (формирование глобального свободного рынка), *безопасности* (делигитимация войн в системе международных отношений).

Совокупность всех трех проектов представляла модель нового мира, а ее реализация мыслилась апофеозом и концом истории.

3. Комплексный мир vs. индустриальный. Ядерная препона системы глобальной безопасности.

Государства вели войны по определенным стандартам, предполагавшим автономию гражданской и военной деятельности, кроме того в XX веке война стала индустриальным феноменом.

Рифом на пути реализации режима глобальной безопасности – но вместе с тем инновационным стимулом – стал ядерный фактор. Ядерный *stumble block* стимулировал поиск нестандартных решений в сфере безопасности, породив, в частности, феномен Холодной войны.

Новый тип силового противостояния носил комплексный, диверсифицированный характер. Он включал в себя ползучие, локальные, смещенные (гибридные) формы силовых, военных, агрессивных действий, использующих прямые и косвенные средства господства, реализовав на планете распределенное множество локальных («африканских») войн и ползучих конфликтов. Развивались технологии деструктивных операций и активных мероприятий при формальном неучастии либо ограниченном участии регулярных вооруженных сил с той или другой стороны.

Кроме того умножались формы и способы диффамационных схем и коррупционных акций, дискредитирующих людей и политику, отлаживалось форсированное манипулирование общественным мнением.

4. Усложнение пространства военных операций.

Вектор трансформации характера военных операций после II мировой войны: Корейская война, включавшая необъявленное военное столкновение СССР («воздушная война») и США («полицейская операция»); Вьетнам (неформализованное участие северовьетнамских войск в Южном Вьетнаме, целенаправленный психологический эффект «наступления Тет», продемонстрировавшего, что войны могут выигрываться новым образом, т.е. не только за счет прямого силового превосходства; Ближний

Восток (e.g. интифада и другие ситуации); Африка (прокси-войны, Великая Африканская война); Украина (Крым-Донбасс); Сирия (комплексная геометрия противостояния), Исламское государство.

Исламское государство – это распределенное множество территорий, эклектичные союзы pro et contra, переселение миллионов, «невидимые бригады», предчувствие ситуации, чреватой культур-шоком: деструкцией объектов культурного наследия и цивилизационной памяти (ср. Пальмира как прообраз аналогичных действий в Европе), т.е. стратегия сокрушение духа – деструкция национальных, культурных, религиозных символов современной цивилизации.

Важный рубеж – изменение соотношения между собственно боевыми действиями и прочими деструктивно-агрессивными операциями, актуализация военно-гражданских средств подавления и господства.

5. Гибридные войны – элемент комплексной трансформации категории безопасности. Войны без формализации статуса.

Гибридная война – элемент общей трансформации категории безопасности, включая перепрочтение, диверсификацию института войны и коррекцию военных действий эпохи индустриализма как процесса массивной технологической деструкции. Комплексная природа гибридной войны: неформальная, синтетическая, ползучая, распределенная, дискретная, диффузная.

Существует ряд дефиниций феномена, разные авторитеты определяют новый способ проведения военных акций по-своему. Вот мнение Валерия Герасимова, начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально, и больше не следуют установленным правилам».

В сухом остатке гибридная война – это сумма неопределенных по принадлежности, неатрибутированных силовых, форсированных, агрессивных действий в широком диапазоне, вкупе с разнообразными инструментами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника.

Для достижения важных, но неприемлемых для оппонентов целей используется координация прямых и косвенных мер, включая военные, однако используемые преимущественно косвенным образом при сохранении сложившейся оболочки внешних связей и режима глобальной безопасности.

Кроме того, ряд функций и задач могут передаваться различным и многочисленным контрагентам на аутсорсинг.

6. Аналогии: позднефеодальные войны (e.g. Столетняя война), «варварские» (колониальные/постколониальные), идеологически-мотивированные («тотальные»).

Еще одна черта постсовременных/гибридных войн – возврат к особенностям и характеристикам войн в позднефеодальной Европе, сопровождавшихся интенсивной дипломатической, переговорной, закулисной активностью между сторонами.

Война не доводится до, казалось бы, логического конца, «зависает» на продолжительные периоды, не завершается явной победой, капитуляцией и порой способна развоплотиться без четкой фиксации итогов.

Тотальный характер агрессивных действий, выходящих за рамки собственно боевых, проявлялся в ходе религиозно или идеологически мотивированных вооруженных конфликтов.

7. Два типа гибридных операций: доминантно-боевые и доминантно-гражданские.

Гибридная война – амортизатор использования собственных средств и регулярных вооруженных сил в полном объеме возможностей. Но этот тезис двусмыслен, реализация – асимметрична: многое зависит от достигнутого государством уровня сложности, финансовой и когнитивной мускулатуры.

Иначе говоря, у каждой страты своя формула и навигация гибридной войны: ценности и возможности более высокого регистра находятся вне компетенции более низкого. Собственно говоря, мы имеем две формулы гибридной войны.

Индустриальные и постиндустриальные (комплексные) страны различным образом реализуют идею гибридной/синтетической войны. Различие наблюдается и в качестве используемых средств, включая

новые военные технологии (e.g. рои дронов) и в асимметрии использования военных и невоенных инструментов и методов.

- Гибридная война расплывает и сдерживает силы противника, зажатого низким уровнем экономического и технологического развития, узостью интеллектуального кругозора, рамками доступного контекста, внешних и внутренних рестрикций, затрудняет свободу действия, снижая эффект от применения собственно военных сил и средств.
- Наличие же сложноорганизованных конвенциональных средств – экономических, финансовых, информационных, доступных развитому организму, позволяет достигать критические цели иными способами, нежели традиционные формы использования войск или даже прямая угроза их применения.

8. Новый статус гражданских лиц и невоенных организаций.

Массированное участие гражданских лиц и невоенных организаций в новом типе военных действий создает сложные ситуации. Серьезно изменился статус средств информации, в целом, и военных корреспондентов, в частности.

Коррективы включают определение статуса и круга участников-комбатантов, новое деление комбатантов на привилегированных и непривилегированных. К последним начинают относить военных корреспондентов, дистанционных операторов, расположенных на территориях других стран etc.

9. Пропорция интеллекта.

Усложнение пространства военных операций, координация разнообразных сил и средств, многообразие нетрадиционных инструментов – все это указывает на императив интеллекта при проведении комплексных силовых акций в новом веке.

Растет значение нетривиальных активов, заметно стремление к координации разнородных сил, быстрой мобилизации средств, адаптации к меняющимся условиям, управлению графиком событий, подвижному властно-правовому консенсусу, наличию и демонстрации моральной силы.

Это также использование высокотехнологических интеллектуальных систем, радиоэлектронных, кибернетических, информационно-психологических, перманентный венчурный поиск эффективных способов реализации (мета)политической агрессии (т.е. выходящей за рамки конвенциональной политики).

Постсовременные конфликты имеют комплексную природу: противник может не объявлять прямо о военных интенциях, интегрируя в многообразных комбинациях не только широкий спектр средств, но и достаточно разнородные цели различных субъектов прямого и косвенного действия.

Господство реализует себя в возможности управления: общий контроль над ситуацией и «культурная оккупация» замещают оккупацию территорий.

10. Новая методология анализа и управления.

По мере усложнения ситуаций меняется методология управления конфликтом, формулируются инновационные методы действия: матричный, рефлексивный, точечный, аттрактивный (рефлекторный мультипликатор), синергийный (неклассический оператор).

Системы становятся многофакторными, многоаспектными, сверхсложными, управлять ими эффективнее извне, т.е. косвенным образом, точнее, комплексно сочетая прямые и косвенные меры (e.g. успешность первой иракской кампании была в определенной степени обеспечена организацией ее сценария с учетом ментальности лидера противоположной стороны).

